

УДК 215



**КРИЗИС РУССКОЙ
КУЛЬТУРЫ НАЧАЛА
XX В. В КОНТЕКСТЕ
ЕЁ ХРИСТИАНСКОЙ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ
(ПО РАБОТАМ
С.Н. БУЛГАКОВА)**

**RUSSIAN CULTURE CRISIS
AT THE BEGINNING
OF THE XX CENTURY
IN THE CONTEXT
OF ITS CHRISTIAN
INTERPRETATION
(IN S.N. BULGAKOV'S WORK**

Рязанская Ольга Борисовна

Аспирант, Институт сферы обслуживания
и предпринимательства (филиал)
Донского государственного технического
университета в г. Шахты,
e-mail: ors27@mail.ru

Ryazanskaya Olga B.

Postgraduate student,
Institute of Entrepreneurship
and Service sector (branch)
of Don State Technical University, Shakhty,
e-mail: ors27@mail.ru

Осмысление кризиса русской культуры начала XX в. в контексте концепции христианской культуры С.Н. Булгакова вносит определённый вклад в понимание сущности православной культуры и тех задач по её созданию, которые стоят перед православным человеком сегодня. В свете концепции христианской культуры русского мыслителя выявлена специфика мировоззренческих трансформаций, характерная для различных социальных слоёв российского общества: героической интеллигенции, подвижничества, русского народа. Если подвижничество – это духовно-психологический тип человека подлинно христианской культуры, то в героической интеллигенции воплощается противоречивый тип носителя секулярной атеистической псевдокультуры. Духовный склад русского народа также представляется весьма противоречивым: в нем противо-

The understanding of the Russian culture crisis at the beginning of the XX century in the context of S. N. Bulgakov's Christian concept of culture makes certain contribution to the understanding of the essence of Orthodox culture and the challenges for its creation, with which the Orthodox human face today. In the light of the Christian concept of culture of Russian thinker the specifics of philosophical transformations, typical for different social strata of Russian society is revealed: the heroic intelligentsia, asceticism, Russian people. If asceticism is the spiritual and psychological type of a real Christian culture person, the heroic intelligentsia is a contradictory type of a pseudo-secular atheist. The spiritual world of Russian people is also very controversial: on the one hand, it has got the features of asceticism, on the other hand it has got signs of atheistic influence of the heroic intelligentsia.

борствуют, с одной стороны, черты подвижничества, с другой – проявления атеистического влияния героической интеллигенции.

Ключевые слова: христианская культура, религиозная вера, секуляризация, интеллигенция, мировоззрение, героизм, подвижничество.

Keywords: Christian culture, religious belief, secularization, intelligentsia, ideology, heroism, asceticism.

Значительный период творчества С.Н. Булгакова, как и других представителей русского религиозного ренессанса, как известно, приходится на рубеж XIX–XX вв., ставший вследствие известных исторических событий своего рода «разрывом времён» для русского общества и его культуры. Для С.Н. Булгакова как религиозного мыслителя глубинная подоплёка трагедии русской жизни коренится в духовной сфере, в процессе её секуляризации. Он с горечью отмечает, что рационализированный «современный мир находится в отчуждённости от веры» [1, с. 4].

Современное российское общество и его культура рубежа XX–XXI вв. также переживают сложный мировоззренческий перелом, в определённом смысле подобный тому, который переживали русские люди в начале предшествующего столетия. Значительная часть наших соотечественников связывают крах советской действительности с крахом секуляризма и пытаются обрести духовные жизненные ориентиры в религии. Так, «согласно исследованию “Левада-центра”, проведённому в ноябре 2012 г., процент верующих в России распределился следующим образом: православные – 74 %, католики – 1 %, протестанты – 1 %, исламисты – 7 %, буддисты – менее 1 %, индуисты – менее 1 %, другие – менее 1 %, не относящиеся ни к какому вероисповеданию – 10 %, атеисты – 5 %, затрудняющиеся ответить – 2 %» [2, с. 198].

Как видим, 74 % российского населения отождествляют себя с православием. Вместе с тем многочисленные исследования свидетельствуют о том, что люди, считающие себя православными, в реальной жизни от него весьма далеки, имеют смутные представления о содержании православного вероучения, о православном понимании человека и его культуры. В этой связи думается, что осмысление кризиса русской культуры начала XX в. в контексте концепции христианской культуры С.Н. Булгакова вносит определённый вклад в понимание сущности православной культуры и тех задач по её созиданию, которые стоят перед православным человеком сегодня.

Как верно отмечают исследователи творчества Булгакова, культурфилософские построения мыслителя опираются на его христианские антропологические воззрения. В первую очередь он выявляет сущность человека, размышляет над его предназначением, а затем обращается к собственно человеческому миру, «миру, сконструированному им самим, хотя и по плану Божьему» [3, с. 80]. Данная логика очевидна в фундаментальной работе мыслителя «Свет невечерний». Эта же логика воспроизводится в других работах Булгакова, в том числе в его речи «Догматическое обоснование культуры», произнесённой на съезде православной культуры.

С точки зрения С.Н. Булгакова, определением, наиболее полно отражающим сущность человека, является его понимание как «существа пиитического в греческом смысле, т. е. творчески действующего» [4, с. 637]. Он утверждает, что «Бог сотворил человека так, чтобы он образ Божий осуществил в своем подобии. Человек сам себе задан для того, чтобы творческим усилием осуществлять свой предвечный образ... Человек призван быть со-творцом мира. Конечно, не в том смысле, что он может сотворить что-то, Богом не созданное, но человек продолжает раскрытие Божественного замысла о мире...» [4, с. 637]. Следовательно, делает вывод русский мыслитель, «творчество в человеке есть черта образа Божия» [4, с. 638].

Однако в соответствии с христианским вероучением в результате грехопадения сила и степень подобия Божия в человеке ослабевают. Человек перестаёт с очевидностью осознавать присутствие Бога и бытие собственного духа, очевидным для него остаётся лишь бытие плоти мира.

В этой связи творчество человека приобретает трагическую расколотость: происходит борьба духа и плоти. Возникают своего рода две противоборствующие возможности для человеческого творчества: «с одной стороны, человек, подчиняющийся стихиям мира, живущий жизнью этих стихий, с другой – человек, борющийся со стихиями и осуществляющий образ Божий в себе» [4, с. 640]. Соответственно, по мысли С.Н. Булгакова, перед человеком открываются два пути для воплощения творческих способностей: путь цивилизации и путь культуры. Если цивилизация представляет собой приспособление к условиям природы, то культура – «творческое отношение человека к миру и к самому себе, когда человек на свой труд в мире налагает печать своего духа» [4, с. 640].

Однако, замечает мыслитель, не существует абсолютной культуры и абсолютной цивилизации, поскольку человек не может быть ни

полностью рабом, ни полностью творцом. При этом «материальная цивилизация является одновременно и крыльями, и путями для духа, ибо если благодаря ей вырастают силы духовного человека, зато и мещанское начало (“рабство у природных законов”) получает необычайную мощь. Для сохранения равновесия между духовным человеком и мещанином требуется гораздо большая энергия со стороны первого, ибо силы мещанина страшно увеличиваются» [5, с. 123–128]. Неслучайно «сатаническое начало мира, “князь мира сего”, есть именно олицетворённое мещанство» [5, с. 127].

Культура, в отличие от цивилизации, имеет трансцендентную задачу – одухотворение и преображение мира. В связи с этим Булгаков подчёркивает: «Мы должны творить, религиозно любя то дело, которое делаем, чтобы дела наши были камнями, приносимыми для строительства Царствия Божия. Недостижимый предел культурного творчества есть Царство Божие» [5, с. 642]. Но «Царство небесное берётся силою, и употребляющие усилия восхищают его» (Мф. 11,2). Иными словами, от каждого человека требуется «усилие, максимальное напряжение его сил для осуществления добра, но и такое усилие не даёт права на... духовную гордость» [6, с. 70]. В Евангелии отсутствие оснований для гордости связывается с тем, что напряжение сил в делах добра рассматривается лишь как исполнение долга. «Когда исполните всё повеленное вам, говорите: мы – рабы, ничего не стоящие, потому что сделали то, что должны были сделать» (Лк. 17,10).

Опираясь на данные евангельские истины, мыслитель связывает культурное творчество с подвижничеством, аскетизмом. При этом он противопоставляет творческий аскетизм аскетизму нигилистическому. Подлинный аскетизм как внутренняя самодисциплина имманентен самому творческому процессу, понимаемому и как внутреннее состояние, и как внешнее делание, меняющее облик мира. Аскетизм нигилистический есть некое пренебрежительное отношение к творчеству по принципу «кое-как», его предельное отрицание, он выражается в освобождении себя от ответственности за мир.

«Путь культуры, путь народа Божия, творящего мир по боговдохновению» – это путь христианского подвижника. Булгаков обращает внимание на часто встречающееся смешение подвижничества с одной из его форм, хотя и очень важной, – с монашеством. В действительности же подвижничество как внутренний склад личности совместимо с любой внешней деятельностью, если она не противоречит его принципам. Философ создаёт психологический портрет христианского подвижника: «Христианское подвижничество есть непрерывный само-

контроль, борьба с низшими греховными сторонами своего я, аскеза духа... выдержка, неослабная дисциплина, терпение и выносливость... Верное исполнение своего долга, несение каждым своего креста, отвергнувшись от себя... с предоставлением всего остального промыслу – вот черты истинного подвижничества» [6, с. 70].

Особое внимание русский мыслитель уделяет такой черте психологии подвижника, как смирение, обращая внимание на обычные искажения данной христианской ценности. В связи с этим он замечает: «Одно из наиболее обычных недоразумений относительно смирения... состоит в том, что христианское смирение, внутренний и незримый подвиг борьбы с самостью, со своеволием, с самообожением, истолковывается непременно как внешняя пассивность, как примирение со злом, как бездействие и даже низкопоклонничество...» [6, с. 69].

Обращаясь к современной ему российской действительности, философ с горечью констатирует, что интеллигенция, призванная быть творцом и хранителем подлинной культуры, является по своей сути неким антиподом христианского подвижничества. Характеризуя особенность мировоззрения значительной части русской интеллигенции, Булгаков пишет: «...Нет интеллигенции более атеистической, чем русская. Атеизм есть общая вера, в которую крещаются вступающие в лоно церкви интеллигентски-гуманистической, и не только из образованного класса, но и из народа... этим пропитана насквозь, до дна вся интеллигентская культура... И вместе с тем приходится признать, что русский атеизм отнюдь не является сознательным отрицанием... Он берётся чаще всего на веру и сохраняет эти черты религиозной веры, только наизнанку...» [6, с. 50].

Истоки русского атеизма коренятся в европейской просветительской философии, из которой он был усвоен как последнее слово западной цивилизации. Парадоксально, с точки зрения русского мыслителя, что «на многоветвистом дереве западной цивилизации, своими корнями идущем глубоко в историю, мы облюбовали только одну ветвь, не зная, не желая знать остальных, в полной уверенности, что мы прививаем себе самую подлинную цивилизацию» [6, с. 51]. Булгаков в соответствии с традицией, идущей от П.Я. Чаадаева, И.В. Киреевского, А.С. Хомякова, избегает односторонних характеристик западной культуры и цивилизации, уважая её христианские корни, давая высокую оценку её достижениям и одновременно не принимая рационализма, индивидуализма, секуляризма [см.: 7, 8].

Сущность атеистического мировоззрения русской интеллигенции русский философ видит в догматах религии человекобожества, в ка-

ком-либо из вариантов, заимствованных из просветительской западноевропейской философии. Основным положением, характерным для всех её вариантов, является вера в естественное совершенство человека, в бесконечный исторический прогресс, являющийся следствием человеческой деятельности. Человек ставит себя на место Бога, видя в себе собственного спасителя. Героизм самообожения, по мысли Булгакова, – главная черта мировоззрения русской интеллигенции. Героического интеллигента не устраивает роль скромного работника, он претендует быть спасителем всего человечества, или же в крайнем случае – русского народа. Героический интеллигент – это «сверхчеловек, становящийся по отношению к ближним в горделивую и вызывающую позу спасителя» [6, с. 318].

Столь максималистские цели интеллигентской деятельности зачастую сопровождаются максималистскими (аморальными) средствами. Аморализм или нигилизм есть необходимое следствие самообожения. Логика здесь довольно проста: герой-спаситель, в котором сидит «маленький Наполеон от социализма или анархизма», осуществляет свою идею спасения, ради которой он разрешает себе освободиться от норм морали, мешающих ему в деле её воплощения.

Раскрывая специфику мировоззрения русского интеллигента, Булгаков обращает внимание на весьма характерную деталь – крайнюю непопулярность в интеллигентской культуре понятий «личная нравственность» и «личное самоусовершенствование» и одновременно сакральность понятия «общественный». Данная особенность совершенно не случайна. Максимализм общественных целей в интеллигентской среде сочетается с удивительным минимализмом в личной внутренней жизни в том смысле, что вопросы саморазвития, самосовершенствования, работы над собой не имеют никакого значения для героического интеллигента. Установка «всё позволено» постепенно превращается в полную беспринципность личного поведения, повседневной жизни. Поэтому Булгаков с глубокой иронией пишет о том, что при таком обилии героев в России очень мало просто порядочных, работоспособных, ответственных людей.

С.Н. Булгаков вслед за Ф.М. Достоевским выявляет двойственную природу духовного склада русского интеллигента. Как ни парадоксально на первый взгляд, но «в духовном облике русской интеллигенции имеются черты религиозности, иногда даже приближающиеся к христианской» [6, с. 47]. Само обращение к атеизму зачастую «происходит из боли духовной, из жажды духовной, из тоски по высшему идеалу, по крепкому берегу» [9, с. 252]. С этой духовной жадью, сво-

его рода онтологической потребностью, воспитанной православной традицией, связано и неприятие русской интеллигенцией западного мещанства как рабства у природных законов. Неслучайно критику мещанства можно обнаружить в работах и славянофила И.В. Киреевского, и западника А.И. Герцена, и консерватора К.Н. Леонтьева. Вместе с тем парадокс заключается в том, что русская душа, стремящаяся к высшему, «запредельному» и разочаровавшаяся в его достижении, становится особенно подверженной влиянию мещанства. «Поэтому в русской культуре нередко место фатума занимает вселенская захламленная обывательская пошлость» [10, с. 252].

Отличительную особенность русской интеллигенции составляют эсхатологическая мечта о граде Божьем, о будущем царстве правды-справедливости («под разными социалистическими псевдонимами»), а также стремление к спасению человечества или по крайней мере русского народа, если не от греха, то от страдания. «Это психология экзальтированных людей, жаждущих осуществления Царствия Божьего на Земле, Нового Иерусалима и расчищающих для него дорогу, не останавливаясь ни перед чем» [10, с. 244]. В менталитете русского интеллигента присутствует чувство вины перед народом, некое «социальное покаяние», жертвенность, неизменная готовность на жертвы, свойственная лучшим представителям интеллигенции. Вместе с тем русский мыслитель отмечает, что эти черты, неосознанно воспринятые из самой духовной атмосферы православной русской жизни, имеют поверхностный, «атавистический» характер и исчезают по мере ослабления причастности к христианским традициям и обычаям.

В отличие от героической интеллигенции, по мысли Булгакова, «народное мировоззрение и духовный уклад определяются христианской верой. Как бы ни было далеко здесь расстояние между идеалом и действительностью, как бы ни был тёмный, непросвещённый народ наш, но идеал его – Христос и его учение, а норма – христианское подвижничество» [6, с. 77]. Атеистическая интеллигенция своей псевдопросветительской деятельностью пагубно влияет на народную душу, разлагает её, сдвигает с вековых оснований. Мыслитель пророчески пишет: «Разрушение в народе вековых религиозно-нравственных устоев освобождает в нём тёмные стихии, которых так много в русской истории, глубоко отравленной злой татарщиной и инстинктами кочевников-завоевателей...» [4, с. 79].

Нужно отметить, что характеристика мировоззрения русского народа в работах Булгакова, написанных после катастрофы Октябрьской революции и Гражданской войны, заметно отличается от его ви-

дения народной религиозности в более ранних работах. В ходе трагических событий русской истории «церковь была устранена без борьбы, словно она не дорога и не нужна была народу, и это произошло в деревне даже легче, чем в городе... Русский народ вдруг оказался нехристианским...» [4, с. 609]. Данную духовную трансформацию, произошедшую с русским народом, мыслитель связывает с тем обстоятельством, что разъедающий яд секуляризма через псевдопросветительскую деятельность атеистической интеллигенции попадал на благоприятную почву формального православия. Булгаков критически оценивает состояние Русской православной церкви XIX–XX вв. «Церковная организация вследствие духовного деспотизма утратила всякий творческий потенциал. Мало того, она превратилась в одну из тёмных реакционных сил истории, пропитанную полицейским духом... «Православие находится в национальном окостенении» [10, с. 150].

Преодолеть сложившуюся ситуацию, по мысли С.Н. Булгакова, возможно при условии создания «подлинно христианской церковной культуры», пробуждения «жизни в церковной ограде», преодоления «противоположности церковного и светского» – «такова историческая задача для духовного творчества современной церкви и современного человечества» [12, с. 348].

Итак, в данной работе на основе интерпретации текстов С.Н. Булгакова была осуществлена теоретическая реконструкция его концепции христианской культуры, а также сущности и причин мировоззренческого кризиса в российском обществе начала прошлого века, состоявшего в его секуляризации. Была выявлена специфика мировоззренческих трансформаций, характерная для различных социальных слоёв российского общества.

Литература

1. Положенкова Е.Ю. Соотношение религиозной философии и христианского богословия в русской религиозно-философской мысли XIX – нач. XX в. Новочеркасск, 2009. 230 с.
2. Основы духовной культуры : учеб. пособие / под ред. Е.Ю. Положенковой, А.М. Руденко. Ростов н/Д., 2016. 288 с.
3. Хохлова Е.И. Философия культуры С.Н. Булгакова // Учёные записки Орловского государственного университета. Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 1. С. 79–83.

References

1. Polozhenkova E.Yu. Sootnoshenie religioznoy filosofii i khristianskogo bogosloviya v russkoy religiozno-filosofskoy mysli XIX – nach. XX v. Novocherkassk, 2009. 230 s.
2. Osnovy duhovnoy kul'tury : ucheb. posobie / pod red. E.Yu. Polozhenkovoy, A.M. Rudenko. Rostov n/D., 2016. 288 s.
3. Khokhlova E.I. Filosofiya kul'tury S.N. Bulgakova // Uchyonye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye i social'nye nauki. 2009. № 1. S. 79–83.

4. Булгаков С.Н. Догматическое обоснование культуры // Соч. : в 2 т. Т. II. М., 1993. 689 с.
5. Булгаков С.Н. Апокалипсис и социализм (Религиозно-философские параллели) // Соч. : в 2 т. Т. II. М., 1993. 689 с.
6. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Интеллигенция в России. Сборники статей 1909–1910. М., 1991. 464 с.
7. Воденко К.В. Холистические версии соотношения веры и знания в религиозно-философском патристическом синтезе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2010. № 1. С. 48–51.
8. Воденко К.В. Религия и наука в европейской культуре: динамика соотношения когнитивных практик / науч. ред. Т.П. Матяш. Новочеркасск, 2012.
9. Булгаков С.Н. Два града. СПб., 1998. 486 с.
10. Русское богословие в европейском контексте. С.Н. Булгаков и западная религиозно-философская мысль. М., 2006. 376 с.
11. Булгаков С.Н. На пиру богов // Соч. : в 2 т. Т. II. М., 1993. 689 с.
12. Булгаков С.Н. Церковь и культура // Два града. СПб., 1998. 486 с.
4. *Bulgakov S.N.* Dogmaticeskoe obosnovanie kul'tury // Soch. : v 2 t. T. II. M., 1993. 689 s.
5. *Bulgakov S.N.* Apokalipsis i socializm (Religiozno-filosofskie paralleli) // Soch. : v 2 t. T. II. M., 1993. 689 s.
6. *Bulgakov S.N.* Geroizm i podvizhnichestvo // Vekhi. Intelligenciya v Rossii. Sborniki statey 1909–1910. M., 1991. 464 s.
7. *Vodenko K.V.* Holisticheskie versii sootnosheniya very i znaniya v religiozno-filosofskom patristicheskom sinteze // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2010. № 1. S. 48–51.
8. *Vodenko K.V.* Religiya i nauka v evropeyskoy kul'ture: dinamika sootnosheniya kognitivnykh praktik / nauch. red. T.P. Matyash. Novocherkassk, 2012.
9. *Bulgakov S.N.* Dva grada. SPb.. 1998. 486 s.
10. Russkoe bogoslovie v evropeyskom kontekste. S.N. Bulgakov i zapadnaya religiozno-filosofskaya mysl'. M., 2006. 376 s.
11. *Bulgakov S.N.* Na piru bogov // Soch. : v 2 t. T. II. M.: 1993. 689 s.
12. *Bulgakov S.N.* Cerkov' i kul'tura // Dva grada. SPb., 1998. 486 s.